

Е. С. Садовая¹

СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ: ГОТОВЫ ЛИ МЫ ВОСПРИНЯТЬ НОВУЮ СОЦИАЛЬНУЮ РЕАЛЬНОСТЬ

Период, переживаемый сегодня человечеством, несомненно, сложный, но одновременно чрезвычайно интересный, прежде всего с точки зрения исследователей. Даже для непосвященных наблюдателей очевидно, что на наших глазах заканчивается целая эпоха. Перестают действовать сложившиеся правила в политике и международных отношениях. Более того, все хуже работают и экономические механизмы, и институты, обеспечивающие реализацию социальной политики. Появляются новые институты и субъекты, претендующие на формирование иных принципов взаимодействия с окружающим миром, при этом старые, проверенные временем институты стремительно теряют свою эффективность. Процесс трансформации охватывает все сферы общественной жизни и приобретает все более неуправляемый характер. Именно поэтому о современном состоянии общества, на наш взгляд, правомерно говорить как о системном кризисе, ведущем к трансформации мироустройства.

«Мироустройство» в данном контексте — понятие отнюдь не тождественное понятию «миропорядок» в веберовской трактовке, которое имеет в большей степени политико-правовое содержание, отражает особенности политико-правовой надстройки системы и в этом смысле воспринимается как более «явное», легче поддающееся рационализации и анализу. Наша трактовка мироустройства ближе к пониманию социального пространства П. Бурдьё и рассматривает его (мироустройство) как некий организм, сложную систему, включающую институты, субъекты и общественные связи между ними, живущую и постоянно развивающуюся по собственным законам.

¹ Заведующая отделом комплексных социально-экономических исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент. Автор более 120 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Трансформация принципов современного мироустройства: социальный аспект» (в соавт.), «Международные стандарты в сфере труда: институты и механизмы реализации (опыт развитых стран и России)», «Качество жизни населения мира: тенденции, измерение, институты» (в соавт.), «Инновационная экономика: занятость, трудовая мотивация, эффективность труда» (кол. авт.), «Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант» (кол. авт.) и др.

Интуитивное понимание того факта, что сложившаяся система мироустройства исчерпала ресурс своего развития, не облегчает проведения строгого научного анализа происходящих процессов. Когда «неполадки» охватывают все условно выделяемые при научном анализе сферы общественных отношений — политику, экономику, социальную и социально-трудовую сферы, ведут к одновременному и взаимообусловленному их изменению, рождается новое качество общественной ткани, трудно поддающейся «разделению» на составляющие. Это серьезно осложняет исследование, но не уменьшает желания понять внутренние механизмы происходящих трансформаций, оценить связанные с ними риски и заглянуть в будущее, явно уже не столь далекое, но вызывающее опасение своей непредсказуемостью.

Представляется чрезвычайно актуальной попытка вычленения социальной составляющей внутри трансформационных процессов сложившегося мироустройства в условиях, когда угроза социальному благополучию, завоеванному с таким трудом предыдущими поколениями и казавшемуся незбылемым поколениям сегодняшним, становится все более реальной даже в самых благополучных странах мира.

В период экономической и политической турбулентности вопросы занятости, социальной политики, социального обеспечения и — шире — социальной справедливости оказываются в центре внимания и политиков, и экспертного сообщества, и «простых» граждан. И чем глубже социально-экономический кризис, чем значительнее ухудшение социального самочувствия широких масс населения, тем острее эти вопросы ставятся и тем более радикальные рецепты предлагаются для его преодоления. Это неоднократно подтверждалось на протяжении всей истории человечества. Достаточно вспомнить развитие ситуации в Европе и России на рубеже XIX–XX веков, когда социальные потрясения привели к значительным изменениям политических и социальных основ общества.

В интервью, данном в рамках ежегодного экономического форума в Давосе в январе 2017 года, говоря о тотальном кризисе политики, А. Б. Чубайс выразил,

как представляется, не только свое личное мнение, но и мнение значительной части мировой элиты. И дело не в том, что внезапно резко упало «качество» политиков, которые вдруг стали принимать неверные решения. И не в том, что народ в разных странах решил для разнообразия сделать ставку на антисистемных политиков. Проблема гораздо глубже.

Сложившаяся в предыдущие десятилетия политическая система развитых стран, которая к концу XX века стала новым (и единственным) «убедительным, прогрессивным нарративом» для человечества (Ф. Фукуяма), известным как «социальное государство», подразумевала сильную социальную политику в качестве основного механизма легитимации власти. Сегодня постепенно исчезают экономические ресурсы этой политики. Механизм экономического роста и обеспечения социального благополучия, основанный на обществе потребления, все менее эффективен.

Дело в том, что постоянный экономический рост, достигавшийся за счет расширения массового потребления, то есть роста потребительского спроса, в условиях индустриальной экономики был напрямую связан с увеличением занятости (таковы особенности индустриального производства). Практически полная занятость обеспечивала населению широкий доступ к социальной политике через системы страхования социальных рисков, но именно в этой сфере зародились те негативные тенденции, которые несут в себе угрозу социальному прогрессу. Они обусловлены стабильным сокращением спроса на труд, выражающемся в снижении доли труда в национальном доходе, росте вынужденной безработицы населения и показателей безработицы и ведущем в конечном счете к сокращению потребительского спроса и замедлению экономического роста.

В последние годы экспертами отмечается такой тревожный факт, как отсутствие связи между возобновившейся после кризиса 2008 года инвестиционной активностью и ситуацией в сфере занятости, которая продолжала ухудшаться. Это нашло отражение как в росте безработицы, так и в структурных проблемах на глобальном и национальных рынках труда. Оказалось, что в складывающейся постиндустриальной, высокотехнологичной экономике каждый следующий процент экономического роста достигается все меньшим приростом занятости, а затем и при ее снижении.

Новые технологии не просто изменили характер труда и повысили его эффективность, но стали успешно конкурировать с человеком, вытесняя его из экономики и делая ее все более безлюдной. Все меньшее число работающих может полностью удовлетворить платежеспособный спрос населения планеты. Однако при быстром сокращении числа качественных рабочих мест платежеспособный спрос постепенно снижается, вызывая к жизни уже очевидно опасные финансовые инструменты его стимулирования, еще больше усугубляющие ситуацию. Характерно, что экономический кризис лишь ускорил процесс замещения живого труда в экономике как в развитых странах, так и в странах с формирующимися рынками. Неслучайно политики сегодня все больше озабочены проблемой сохра-

нения рабочих мест. Многие исследователи сходятся во мнении, что Дональд Трамп был избран президентом США именно жителями городов «ржавого пояса» Америки, пострадавшими от передислокации их рабочих мест в страны с формирующимися рынками, прежде всего в Мексику и Китай. То, что Трамп настроен в этом отношении решительно, подтверждают его первые президентские указы, встречи с представителями бизнеса, воинственная риторика в адрес Китая, угрозы начать с последним торговые войны — в сущности, войны за рабочие места, которые позволят государству обеспечить социальное благополучие граждан в прежних объемах.

Может ли увенчаться успехом провозглашенная политика? Вряд ли. Переведенные в другие страны десятки тысяч индустриальных рабочих мест (в той же автомобильной промышленности) даже при условии полного успеха всех планов Трампа сегодня станут в лучшем случае тысячами. Технологии за последние годы значительно продвинулись вперед. Под угрозой оказываются миллионы рабочих мест уже не только в промышленности, на транспорте и в торговле, но и в сфере услуг, интеллектуальной деятельности.

Люди вытесняются из сферы труда, а у государства находится все меньше денег, чтобы с помощью социальной политики нивелировать социально-экономические риски, с которыми сталкивается современное общество. Эти проблемы актуальны для всех без исключения стран, по-разному выходящих из ситуации. В развитых странах происходит наращивание долгов — государственных, корпоративных, долгов домохозяйств; в развивающихся — прямое сокращение средств, выделяемых на социальные расходы. И те и другие вынуждены реализовывать непопулярные структурные реформы социальной сферы, проводить приватизацию здравоохранения, образования, социального обеспечения. В конечном счете это лишь усугубляет ситуацию, поскольку приход в эти отрасли бизнес-структур ведет к удорожанию для населения «услуг» отраслей социальной сферы.

В условиях, когда сфера труда стремительно сокращается, встает вопрос о необходимости кардинального реформирования всей социальной политики, сложившейся в рамках индустриальной эпохи и тесно связанной с трудовой деятельностью человека, сделавшей социально-трудовую сферу тем фокусом, в котором сходились интересы экономического роста, социальной стабильности и благополучия. Политики заговорили о необходимости обеспечения средствами существования граждан в условиях тотального дефицита рабочих мест.

Так, в современном политическом пространстве появилось и стремительно завоевало его понятие «безусловного базового дохода» (ББД), выплачиваемого гражданам независимо от их социального статуса без каких-либо дополнительных условий. Именно как элемент практической политики, а не теоретическая конструкция предложение одобрить введение в стране безусловного базового дохода было выдвинуто на референдуме в Швейцарии в 2016 году. Несмотря на высокий уровень ББД, предлагавшийся на-

селению (2500 швейцарских франков), 76 % швейцарцев высказались «против». Введение его с 2017 года в Голландии и Финляндии обошлось уже без всенародного волеизъявления. Эксперименты по его внедрению реализуются в самых разных странах мира — от Германии и США до Индии и Намибии. Во Франции претендент на пост президента страны от социалистической партии обещает в случае победы на выборах реализовать эту идею. Звучат такие предложения и в России. При этом большинство социологических опросов в разных странах фиксируют в целом отрицательное отношение населения к предлагаемой социальной новации.

Это не случайные показатели. Слишком много серьезных вопросов, остающихся пока без ответа, возникает при тщательном анализе проблемы. Прежде всего два главных. Во-первых, как будет изменяться размер безусловного базового дохода в будущем? Даже в богатой Швейцарии оказалось, что правительству пришлось бы найти где-то дополнительно около 25 млрд

франков для реализации этой идеи, а по мере ухудшения экономического положения ситуация будет осложняться. Во-вторых, не окажется ли безусловный базовый доход «заменителем» всех остальных социальных расходов государства? И гражданин, получивший на руки свой «безусловный базовый доход», вынужден будет затем выбирать, на что его потратить: на еду, лекарства или образование детей. Намеки на такой поворот в развитии ситуации уже звучат из уст политиков и экспертов.

Но есть и более глубокие, в сущности экзистенциальные вопросы — где, если не в сфере труда, будет происходить процесс социализации молодежи, каков будет механизм определения лояльности гражданина обществу, как будет устроена политическая система в обществе иждивенцев, кто будет определять необходимый человеку «прожиточный минимум»? Это лишь некоторые из вопросов, для решения которых пока нет теоретической базы, но решать которые нам придется уже в ближайшее время.